

КАКИЕ СМЫСЛЫ МЫ ВКЛАДЫВАЕМ СЕГОДНЯ В ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ»?

Понятие «интеллигентность» многозначно, выступает ли оно атрибутом русской интеллигенции [10, 11], или становится синонимом универсальной образованности и воспитанности [4]. Ценности, соотносимые с представлением об интеллигентности, – результат влияния интеллектуализма и гуманизма античности, Возрождения и Просвещения. Критерии интеллектуальности вырабатываются в Европе к XI веку: высшее знание, языковая отделенность от простонародья. Формируется уникальный духовный способ пополнения когорты интеллектуалов. Распространяется установка принципиальной внесословности, их духовного равенства и родства. Интеллектуальное избранничество соотносится с неким инвариантом социальной, этической, религиозной жизни (монахи, *studio humanitas*, университеты).

Символический капитал русской интеллигенции, как и символический капитал западных интеллектуалов – это знания, стремление постичь истину. История интеллигенции – это история того культурологического конструкта, с помощью которого образованная часть русского общества стремилась определить свою идентичность в столкновении с ценностями модернизации, разрушившей прежнее культурное пространство, построенное на иерархии элитарной и маргинальной культур. Социальный контекст понятия «интеллигенция» меняется: просвещенное свободное дворянство (В. Жуковский), нигилистически настроенные разночинцы (Н. Чернышевский), экстремисты-революционеры (П. Струве), сибаритствующие гедонисты (Д. Мережковский), апологеты сталинского режима (И. Павлов), диссиденты эпохи застоя (А. Сахаров). Когда границы интеллигенции становятся поистине беспредельными и не поддаются идентификации, появляется идея фантомности феномена [7].

Интеллигентность для непосвященных – культурный образ и знак символической власти особого социального слоя, участвующего в культурной модернизации России (преподаватели университетов, провинциальные учителя, врачи, художники и артисты). Для интеллигентов интеллигентность – маркер отличия от других социальных слоев, знак ухода из серой, мещанской жизни.

Первоначально интеллигентность трактуется как признак интеллигенции. Но постепенно атрибут и субстанция меняются местами: не интеллигентность – признак человека-интеллигента, а интеллигент – следствие существования изначальной и совершенной интеллигентности. Она существует сама по себе, независимо от людей, ею обладающих, как культурная универсалия [6]. Складываются перечислительные признаки интеллигентности: образованность, стремление противопоставить себя господствующему режиму, критическое восприятие мира – рефлексия, особая нравственность.

В XIX в. формируются мифы об избранничестве и уникальности интеллигенции и интеллигентности, культурной роли вечных просветителей народа, попечителей о народной доле [3]. В конце XX в. в интеллигентской среде возникает стремление отречься от коннотаций интеллигентности с нигилизмом и экстремизмом революционеров (общий признак – интеллигентская рефлексия и критичность) и апологетикой сталинского режима (общий признак – тяга к знаниям) через апелляцию к гуманизму и гуманности [5, 6].

Разберемся по порядку с современными коннотациями признаков интеллигентности.

Первый признак интеллигентности – образованность. Знание в духе Ф. Бэкона мыслится как ключ, открывающий дверь в мир силы и власти. Другой вопрос, подробно освещенный в исследовательской литературе, что первоначально русское дворянство получало образование на Западе, а впоследствии разночинцы, считающие себя интеллигентами, – по западным образцам.

Модернизация России сопровождается комплексом самых различных проблем: социальное неравенство – это не только расслоение на богатых и бедных, но и на высокообразованную элиту и малообразованных мещан. Социокультурный разрыв, отчуждение образованных от мало- или не образованных людей должны компенсироваться легитимацией интеллигентности через демонстрацию ее полезности, общности интересов интеллигентов и всего общества. Низкая оценка этой культуры дается обществом тогда, когда легитимация как символическое утверждение единства с обществом и полезности для него отстает от агрессивного противопоставления себя обществу посредством демонстрации сверхобразованности. Легитимация интеллигентности представляет собой, прежде всего, символическую стратегию, поскольку определяется не столько реальной полезностью

и общественной значимостью интеллектуального труда, сколько приписываемыми ему общепольными ролями. Таким образом, интеллигентность складывается не только в результате «монологического» развертывания собственных социальных практик интеллектуалов, но и как «ответ» на ожидания и требования общества. Легитимацию интеллигентности можно определить как совокупность символических и коммуникационных действий, предпринимаемых в конкретный исторический момент в конкретном обществе и социокультурном контексте с целью установления соответствия источников интеллигентности и способов ее использования ценностным образцам. Она достигается тогда, когда ценности социальных групп интеллектуалов не противоречат ценностям общества в целом и разделяются им. Легитимация интеллигентности предполагает исполнение определенных обязательств перед высшими институтами (государством, церковью), связанными солидаристскими и патерналистскими узами людьми, а также теми, кто нуждается в образовании.

Именно поэтому интеллигенты не могут устраниться от нужд общества, государства, они должны демонстрировать одновременно и свое социальное превосходство, и единство с обществом. До XVIII в. интеллектуалы в России еще не разорвали живые социальные связи, не противопоставили свое интеллектуальное превосходство как абсолютно первичное общественным институтам и ценностям как вторичным и подчиненным. Демонстрация интеллектуального превосходства как социального превосходства поддерживалась государством, начиная с Петра I.

Второй признак интеллигентности: способность к интеллигентской рефлексии, критичности. Оказывается, что интеллигентская рефлексия может служить сильным стимулом для прихода в сферу терроризма [1]. Реконструируя онтогенез теракта, Т. Гарр показывает вслед за П. Рикером, К. Апелем и Ю. Хабермасом, что вследствие глобализации и распространения массовой культуры растет неудовлетворенность окружающим миром, происходит потеря личностной идентичности, разрушение субъектности, которые могут закончиться приходом рефлексии интеллигента в террористическую среду.

Третий признак интеллигентности – особая нравственность. Источники особой нравственности интеллигенции следует искать в созданном В. Белинским, Н. Чернышевским дискурсе. Здесь мы находим и новые моральные принципы (незаслуженное богатство порочно, труд создает достоинство человека), и отказ от «условностей» элитарной культуры, и ут-

верждение равенства женщин, и поклонение науке, и конкретные формы поведения (фиктивный брак, постоянное чтение, скромная одежда, подчеркнутая прямота речи, нарочитая грубость и невоспитанность). Эти формы поведения, впоследствии трактуемые как эталоны, не могут быть автоматическим следствием усвоения западного радикализма, ни непосредственной реакцией некоторой части дворян-маргиналов (бастардов, обедневших), а также разночинцев на дворянское воспитание (скажем, гигиенические привычки должны были бы быть для них бессознательными навыками и в силу этого выпадать из области рефлектируемого поведения). Для маргинальных групп такой протест, однако, вполне естествен и имеет многочисленные историко-культурные аналоги. Воспитанность ставит преграду для проникновения в элиту людей из других социальных групп; для маргиналов нахождение в элитарном обществе оказывается тяжелой психической травмой, в особенности при общении с женщинами [2]. Кризис элитарной культуры дискредитировал старую благовоспитанность и утвердил новую модель поведения революционных интеллигентов («нечаевщина»), которая вызывает сегодня ужас и отвращение.

Несколько слов следует сказать о воспитательном дискурсе в его связи с интеллигентностью. Не имеет смысла подчеркивать разницу между советским и современным воспитательными дискурсами. В литературе подробно исследованы цели современного отечественного воспитательного дискурса, например, формирования ангажированной сексуальности, «сценической приватности», сочетающей антагонистические элементы интимности и публичной демонстративности [8] или ценности самоутверждения [9].

Более важным видится другое: интеллигентность – это явление массовое, результат существования личности в сообществе интеллигентов. Мы можем иметь сколь угодно особенный индивидуальный опыт, однако в основном способы его интерпретации в рамках одного сообщества будут идентичны. Причина тому объективированные идеи, ценности, идеалы. Не вызывает сомнения также и то, что интеллигентность актуализируется на уровне индивидуальности. Только конкретный «вот-этот-вот» человек может быть воспринят другими и самим собой как интеллигент. Возникает онтологический разрыв между индивидуальностью и корпоративной идентичностью.

Основой воспитания нравственности (интеллигентности), осуществляемого в рамках корпоративной культуры образовательного учреждения,

становится корпоративная идентичность. Человек, восходя к собственной индивидуальности, собственной интеллигентности, вынужден непрерывно разграничивать корпоративную идентичность (его «групповое Я») и уникальность. Воспитательный дискурс оказывает существенное влияние на корпоративную идентичность личности, нередко превосходящее влияние других агентов социализации. Чем сильнее давление корпоративных норм на человека, то есть чем более жестко они предписывают ему необходимость тех или иных действий, тем сильнее и глубже деструкция его индивидуальности.

Как же быть, в таком случае, с критичностью, с рефлексией, со способностью сопротивляться общественному режиму? Имеет ли смысл пожертвовать ими во имя развития корпоративной культуры образовательного учреждения? Вопросы кажутся уместными по двум основаниям: сильные корпоративные культуры не повышают, а существенно снижают способность самой организации к качественным изменениям, а также разрушают критическую рефлексию и креативность личности, что ведет к потере социальной независимости [12]. Второе основание значительно серьезнее: можно ли охарактеризовать применяемые для воспитания ценности и технологии воспитательного дискурса как эффективные, если они ведут к утрате интеллигентности, апатии и безынициативности, неспособности идти на риск и брать на себя ответственность? Вопрос о возможности воспитания интеллигентности в рамках корпоративной культуры остается открытым.

Список литературы

1. Гарр Т. Почему люди бунтуют. Спб., 2005.
2. Живов В. М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции //Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. URL: //http://krotov.info/history/00/zhivov/zhivov_03.html. – Дата обращения: 15.01. 2013.
3. Климова С. М. Мифы о русской интеллигентности: вехи XX века («начала» и «концы»). URL: // http://cyberleninka.ru/article/n/mify-o-russkoy-intelligentsii-vehi-xx-veka-nachala-i-kontsy. – Дата обращения: 15.01. 2013.
4. Лосев А. Ф. Об интеллигентности. URL: // http://un.csu.ru/paper/node/178. – Дата обращения: 15.01. 2013.
5. Лотман Ю. М. Культура и интеллигентность. Цикл видеолекций // URL: http://video.mail.ru/mail/tatdavidovich/74/524.html – Дата обращения: 15.01. 2013.
6. Соколов А. В. Интеллигентность в мире библиографии URL: // http://biblio.lib.kherson.ua/sokolov.htm. – Дата обращения: 15.01. 2013.
7. Петровский А. В. Интеллигентность // Социальная психология. Словарь / Под ред. М.Ю. Кондратьева. М.: ПЕР СЭ, 2006. – Яндекс. Словари. – URL: http:

//slovari.yandex.ru/интеллигентность/Социальная психология/Интеллигентность/. – Дата обращения: 15.01. 2013.

8. Тарабукина А. В. “Здравствуй, дружок!”: подросток в детской сексологии // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003.

9. Тихонова Н. Е. Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики России // Общественные науки и современность. 2012. № 2-3.

10. Gale Encyclopedia of Russian History: Intelligentsia. URL: / <http://www.answers.com/topic/intelligentsia>. – Дата обращения: 15.01. 2013.

11. Malia M. What Is the Intelligentsia? / The Russian Intelligentsia. Ed. by R.Pipes. Oxford, 1961.

12. Wally O. Corporate Identity: Making Business Strategy Visible through Design. Harvard, 1990. / URL: //<http://www.wallyolins.com/includes/corporateidentity.pdf> – Дата обращения: 15.01. 2013.

Н.В. Малиновская

СПбГЭУ, г. Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ АКТУАЛЬНОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Совокупность качеств совершенного человека, обеспечивающую гармонию отношений между людьми, наделенными этими качествами, в России назвали «интеллигентностью». Первые русские «интеллигенты», являлись носителями интеллигентности и служили образцом для подражания остальной части населения России.

Именно в России в 1866 г. писателем П.Д. Боборыкиным был рожден термин «интеллигенция», а высшее образование имело прямое отношение к укоренению этого слова в российском культурном обиходе. Исследованием сущности и особенностей «интеллигенции» посвятили свои работы многие видные ученые России. О проблемах соотношения интеллигентности и образованности рассуждал Д.С. Лихачев, о культурно-исторической роли интеллигенции М. Мамардашвили, о взаимоотношениях интеллигенции и власти В.С. Степин. Исследованием потенциальных возможностей интеллигенции занимался Э. Морен, определением статуса интеллигентов как «властителей дум» С. Великовский, рассмотрением особенностей связи интеллигенции и патриотизма, В. Распутин, особенностями воздействия социальной среды на формирование современного интеллигента, Л.А. Вербицкая, В.Т. Лисовский, В.А. Садовничий [1].

Традиционно выделяют следующие варианты понимания терминов «интеллигент» и «интеллигентность».